

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ СТРАХ ВО ВТОРОЙ КНИГЕ ЕНОХА*

Трепещет от страха Твоего плоть моя.

Пс. 118:120

ВВЕДЕНИЕ

Вторая книга Еноха начинается с описания сна этого патриарха, седьмого после потопа. Во время сна Енох видит двух ангелов, спускающихся к нему в его земное жилище, чтобы забрать его на небеса. Ангельские посетители патриарха представлены непомерно большими созданиями с сияющими лицами. Внезапно рассказ переходит от сна адепта к его видению в состоянии бодрствования. В тексте говорится, что, как только Енох был разбужен ангелами, он испытал очень сильный страх, созерцая своих гостей “наяву.” Страх мистика не представляет собой здесь необычного явления, так как подобная реакция часто упоминается в иудейских и христианских апокалиптических сочинениях: люди, как правило, чувствуют себя испуганными при встрече с небесными созданиями.

Но что необычно в этом повествовании, так это преобразование Еноха, к которому, по-видимому, его приводит этот страх. В обеих редакциях рассматриваемого славянского апокрифа говорится о преобразении лица мистика. Более того, в обеих редакциях подобного

---

* Перевод с английского языка выполнен Ириной Колбутовой по следующей работе: А. Orlov, *Glorification through Fear in 2 Enoch* (unpublished).

рода трансформация связана со страхом Еноха. Так, в пространной редакции *2 Енох* 1:7–8 утверждается, что лицо патриарха “переменилось от страха.”³⁹¹ Еще более удивительна метаморфоза лика нашего героя в краткой редакции апокрифа. Согласно ей лицо адепта не просто претерпело изменения, но просияло славой. Так, в краткой редакции *2 Енох* 1:7–8 можно обнаружить следующее описание необычного состояния Еноха: “Я встал спешно и поклонился им, и вспыхнуло лицо мое от страха перед увиденным (блеща ся привидѣниемъ лице мое от страха).”³⁹² Один из выдающихся специалистов по Второй книге Еноха, Френсис Андерсен, уже размышлял над уникальностью подобного прославления лика тайнозрителя через страх. По его мнению, “вариант текста, содержащийся [в рукописях] А и U, *блещас(я)*, возможно, означает, что его [Еноха] лицо было сияющим .... Данный глагол действительно имеет смысл “сиять,” и он не относится к обычному набору лексических средств, используемых для обозначения страха, возникающего в результате небесного явления подобного рода ....”³⁹³

При всей необычности обсуждаемых здесь образов можно предположить, что описание прославления мистика через страх не представляет собой случайной ошибки автора или кого-либо из переводчиков этого текста, которая могла бы возникнуть в процессе длительного бытования этого сочинения в различных культурах, отличающихся от первоначальной идеологической среды, давшей жизнь этому апокалипсису. Скорее всего таким способом передается характерная особенность теофанического опыта, которую можно обнаружить также и в других местах данного апокрифа. Если это так, то, по-

³⁹¹ Хачатурян, “Книга Еноха,” 47. “Измѣнися лице мое от страха.” G. Macaskill, *The Slavonic Texts of 2 Enoch* (Studia Judaeoslavica, 6; Leiden: Brill, 2013) 42.

³⁹² Навтанович, “Книга Еноха,” 3.204–205.

³⁹³ Andersen, “2 Enoch,” 1.108. См. также С. Böttrich, *Das slavische Henochbuch* (JSHRZ, V.7; Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 1995) 835, footnote c.

видимому, совсем не случаен тот факт, что именно *лицо* мистика подвергается преображающей трансформации через страх. Исследователи уже ранее отмечали важность образа лица в этом апокрифе, высказывая предположение, что зачастую символизм подобного рода используется совсем не без оснований и имеет явный теофанический смысл.³⁹⁴ Так, в одном из кульминационных моментов истории патриарха во Второй книге Еноха, где описывается его превращение в светносное ангельское существо на седьмом небе, его облик также начинает сиять славой пред пугающим Ликом Божиим. Упоминание о преобразении мистика через страх в начале повествования о Енохе таким образом предвосхищает его будущую метаморфозу на небесах.

Задачей нашего исследования будет изучение мотива страха в славянском апокрифе и его значения для понимания преобразующих онтологических изменений, которые Енох претерпевает во время своего небесного путешествия.

МОТИВ СТРАХА В БИБЛЕЙСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

Мотив страха, по-видимому, играет важнейшую роль в прославлении седьмого патриарха во Второй книге Еноха, и для более глубокого понимания этой темы нам необходимо прежде всего обратиться к библейским повествованиям, где мотив страха также очень часто присутствует в описаниях видений патриархов и пророков. Поскольку страх, и особенно страх Божий, довольно часто упоминается в Библии, мы ограничим наше исследование историями, в которых человеческий страх вызван видением потустороннего существа — божественного или ангельского. Более того, в нашем анализе

---

³⁹⁴ Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition*, 279-281.

различных теофанических явлений в библейском каноне мы сосредоточим наше внимание только на некоторых характерных особенностях, ставших, по нашему мнению, определяющими для концепций, лежащих в основе повествования нашего славянского апокрифа.

Следует отметить, что в ранних иудейских письменных памятниках страх часто упоминается при описании эмоционального состояния героев повествования, ставших свидетелями явления им Бога или ангелов.³⁹⁵ В ранних текстах из Пятикнижия, где говорится о богоявлениях и явлениях ангелов ветхозаветным патриархам и пророкам можно обнаружить упоминания об ужасе, испытываемом ими при встрече с подобными потусторонними явлениями. К примеру, сразу после грехопадения первого человека, в третьей главе Книги Бытия сообщается о страхе Адама перед Богом, посетившим Рай. В Книге Бытия также содержатся рассказы об чувстве страха, который испытывали другие герои веры — Авраам, Исаак и Иаков в моменты, когда им являлись Бог и ангелы. Страх, испытываемый тайнозрителем, также становится одним из основных мотивов в пророческих и апокалиптических книгах библейского канона, особенно в Книге пророка Даниила.³⁹⁶ В то время как в библейских рассказах

³⁹⁵ О страхе как человеческой реакции на встречу с божественным или ангельским существом см. J.C. VanderKam, *From Revelation to Canon: Studies in Hebrew Bible and Second Temple Literature* (Leiden: Brill, 2000) 343; J. Becker, *Gottesfurcht im Alten Testament* (Analecta Biblica, 25; Rome: St. Martin's Press, 1965) 22.

³⁹⁶ См., например, Дан. 8:17-18: “И он подошел к тому месту, где я стоял, и когда он пришел, я ужаснулся и пал на лице мое; и сказал он мне: ‘знай, сын человеческий, что видение относится к концу времени!’ И когда он говорил со мною, я без чувств лежал лицом моим на земле; и он прикоснулся ко мне и поставил меня на место мое”; Дан. 10:7-9: “И только один я, Даниил, видел это видение, а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них и они убежали, чтобы скрыться. И остался я один и смотрел на это великое видение, но во мне не осталось крепости и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости. И услышал я глас слов его; и как только услышал глас слов его, в оцепенении пал я на лице мое и лежал лицом к земле.”

можно обнаружить великое множество упоминаний о пугающих явлениях Бога и ангелов людям, решающее значение для развития концепций, обнаруживаемых в славянском апокрифе, по-видимому, имела особая группа библейских мотивов, а именно описания событий, связанных с видениями, явленными самому выдающемуся визионеру ветхозаветного канона — сыну Амрама, испытывавшему несколько совершенно особенных встреч с Богом и ставшему образцом мистического созерцателя. Мы обнаруживаем упоминания о страхе Моисея уже в начале его пророческого пути, а именно во время его первой встречи с высшей реальностью, представленной в третьей главе Книги Исхода.³⁹⁷ В дальнейших описаниях его встреч с Богом на горе Синай в различных текстах из Книг Исхода и Второзакония мотив страха Моисея часто сопоставляется с откровением образа Божьего Лица. Такого рода сопоставление мотива опасности с концепцией Божьего Лица в библейских рассказах о Моисее оказало огромное влияние на авторов Второй книги Еноха, где тематика устрашающего светоносного Божьего Образа становится одной из концептуальных основ содержания этого сочинения. В библейских рассказах о Моисее, ставших своего рода образцами для более поздних описаний мистических видений, особо разрабатывается важнейшая тема смертельно опасных последствий, которое несет визионеру созерцание Лица Бога (*Паним*). Так, например, в Исх. 33:20 Бог предупреждает Моисея об опасности, связанной с созерцанием его Лица: “лица Моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых.” Мотив подобной же губительной опасности, сопровождающий откровение Лица, еще далее усиливается наставлением Бога в Исх. 33:22, где Он приказывает Моисею укрыться

---

³⁹⁷ В Исх. 3:6 говорится: “И сказал: Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова. Моисей закрыл лице свое; потому что боялся воззреть на Бога.”

в расщелине скалы и обещает защитить пророка своими руками.

В славянском апокрифе теме опасности видения Божьего Лица также посвящены особые долгие рассуждения. В моих прежних исследованиях я уже высказывал предположения о том, что в подобного рода преданиях можно обнаружить влияние библейских рассказов о Моисее.³⁹⁸ Так, в 2 *Енох* 39:3–6, как и в истории Моисея, представленной в Книге Исхода 33, мотив Лица тесно связан с богоявлением, и это Лицо воспринимается не просто как часть тела Господа, а как своего рода сияющий “фасад” всего Его антропоморфного образа.³⁹⁹

На богословское содержание Второй книги Еноха оказало значительное влияние также и еще одно предание, лежащее в основе рассказов о откровениях, полученных Моисеем, которое можно обнаружить уже в библейском каноне, а именно, традиция прославления лица мистика после его общения с Божьим *Паним*. Из этого предания мы также узнаем, что израильтяне увидевшие прославленный лик пророка, были испуганы переменами, произошедшими с лицом сына Амрама. Так, в Исх. 34:29–35 представлен Моисей после его встречи с Господом. В этом тексте говорится:

Когда сходил Моисей с горы Синая ... Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами от того, что Бог говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны Израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему ... и Моисей опять полагал покрывало на лице свое, доколе не входил говорить с Ним.

Сообщение о том, что лицо пророка было прославлено, — не единственная значимая особенность этого текста. Не менее важным представляется и мотив страха, который испытывают люди, увидевшие преобразование лица Моисея. Во Второй книге Еноха можно обнаружить очень

³⁹⁸ Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition*, 254–303.

³⁹⁹ Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition*, 280–281.

похожее сочетание мотивов, а именно, прославление лица Еноха совпадает с мотивом чувства опасности. Так в главе 37-й Второй книги Еноха подробно излагается необычная процедура, которой подвергается лицо мистика, во время заключительного этапа его общения с Богом на седьмом небе. Из этого повествования мы узнаем, что после того, как лицо патриарха было прославлено, и ему были открыты величайшие тайны вселенной, Енох теперь, как и Моисей, должен вернуться к людям, чтобы рассказать им о полученных откровениях. Однако его прославленный небесный лик, как и в случае великого пророка, мог оказаться препятствием для его общения с людьми. Предвосхищая возможные трудности подобного рода, Бог поэтому призывает одного из своих старших ангелов для того, чтобы тот остудил лицо Еноха. В тексте говорится, что ангел был “устрашающим и грозным,” он был белым как снег, а его руки были холодны как лед. Этими холодными руками он и остудил лицо патриарха. Сразу вслед за этой необычной процедурой охлаждения Господь поведал Еноху, что, если бы его лицо не было охлаждено, никто из людей не смог бы приблизиться к нему. Такого рода упоминание об опасности, связанной с сияющим лицом патриарха после его встречи с Богом, сопоставимо с мотивом сияющего лица Моисея, преобразенного после его опыта общения с Богом на горе Синай, о котором говорится в Книге Исхода.⁴⁰⁰

---

⁴⁰⁰ Следует отметить, что подобного рода сочетание мотивов прославленного лица мистика и страха будет играть важную роль и в поздних книгах о Енохе. К примеру, в Третьей книге Еноха говорится о том, что преобразенному в Метатрона Еноху предстояло утешать напуганного Моисея, сообщая ему о его светоносном лике. Так, в *3 Енох* 15В:5 говорится следующее: “Тотчас Метатрон, князь Божественного Присутствия, сказал Моисею: ‘Сын Амрама, не бойся! Ибо Господь уже благоволил к тебе. Проси то, что ты желаешь, с уверенностью и смелостью, ибо свет исходит от кожи твоего лика от одного конца мира до другого.’” И.Р. Тантлевский, *Мелхиседек и Метатрон в иудейской мистико-апокалиптической традиции*. (С.-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 2007) 285.

МОТИВ СТРАХА МИСТИКА В РАННИХ ИСТОЧНИКАХ,
СОДЕРЖАЩИХ РАССКАЗЫ О ЕНОХЕ

Ранее мы уже отмечали, что страх ветхозаветных патриархов и пророков при их переживании богоявлений представляет собой постоянный мотив встречающийся в библейских книгах Бытия и Исхода. Зачастую, вдохновленные этими описаниями встреч Адама, Авраама, Иакова и Моисея с божественными и ангельскими существами, авторы иудейских псевдоэпиграфических текстов стремились развить эти темы, поместив их в новый контекст мистических видений.⁴⁰¹

Мотив страха мистика, разумеется, не был предан забвению и в ранних текстах о Енохе, группе источников, представляющих собой одну из самых значительных ранних компиляций иудейской мистической традиции. Из одного из самых древних рассказов о Енохе, *Книге Стражей*, читатель узнает о страхе седьмого патриарха, испытанном им при его приближении к Божьему Престолу. В 14-й главе этого раннего источника, связанного с именем Еноха, представлен вход мистика в некое пространство, которое, по-видимому, следует воспринимать как небесный Храм, священную обитель Бога, особенный *топос*, наводящий ужас не только на людей, но и на небесных созданий. В *1 Енох* 14:9–14 содер­жится следующее описание путешествия мистика по небесному святилищу:

...и я приблизился к одной стене, которая была устроена из кристалловых камней и окружена огненным пламенем; и она стала устрашать меня. И я вошел в огненное пламя, и приблизился к великому дому, который был устроен из кристалловых камней; стены этого дома были подобны наборному полу (паркету или мозаике) из кристалловых камней, и почвою его был кристалл, его крыша была по-

---

⁴⁰¹ См., например, *Эксагоге* Иезекииля Трагика 1:82; *Откр. Авр.* 10:2; 16:1-2; *4 Езры* 5:14; 10:29-30; 12:3; 13:14; *Лествица Иакова* 2:1-3; *3 Вар.* 7:5.

добна пути звезд и молний с огненными херувимами между нею (крышей) и водным небом. Плавающий огонь окружал стены дома, и дверь его горела огнем. И я вступил в тот дом, который был горяч как огонь и холоден как лед; не было в нем ни веселия, ни жизни: страх покрыл меня и трепет объял меня. И так как я был потрясен и трепетал, то упал на свое лицо....⁴⁰²

В этом тексте очень интересной и значительной деталью представляется замечание о том, что Енох был не просто испуган, испытал пребывание в потустороннем мире, но то, что он буквально был “покрыт страхом.” Исследователи уже ранее отмечали необычную интенсивность этого описания состояния страха. К примеру, Джон Коллинз отмечает, что в этом тексте содержится “тщательно подобранные выражения для передачи состояния ужаса, испытанного Енохом.”⁴⁰³ Еще одна исследовательница, Марта Химмельфарб, также обращает внимание на силу воздействия Божьего присутствия на мистика, которая, по ее мнению, даже превосходит соответствующий мистический опыт в библейских рассказах о видениях Бога, в том числе в видениях Иезекииля. Химмельфарб отмечает, что “поклонения Иезекииля, выраженные в его распростертом положении, никогда не сопровождаются мотивом страха; о них говорится каждый раз в одних и тех же выражениях, причем без упоминания о каких-либо чувствах, почти как о ритуальном преклонении перед Божьим величием. В *Книге Стражей*, наоборот, подчеркивается глубина эмоционального переживания мистика в ответ на явление ему Бога.”⁴⁰⁴ Более того, в *Книге Стражей* страх мистика — это реакция не просто на явления Бога или ангелов, но также и на само священное место, в чем, очевидно, проявляется особый культовый аспект человеческого страха. Понятие “культового” страха имеет

⁴⁰² Тантлевский, *Книги Еноха*, 327-328.

⁴⁰³ J. Collins, *The Apocalyptic Imagination: An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature* (Grand Rapids: Eerdmans, 1998) 55.

⁴⁰⁴ Himmelfarb, *Ascent to Heaven*, 16.

также важное значение в некоторых текстах из Библии,⁴⁰⁵ где мотив опасности нередко связан с особым священным местом, а именно, Святая Святых. Следовательно, необходимо уточнить, что тема страха Еноха, которой посвящено немало страниц в *Книге Стражей*, сочетает в себе, помимо традиций, связанных с мистическими переживаниями явления Бога, также и священнический аспект, иногда даже преобладающий в описаниях страха Еноха над мотивом мистического видения. Марта Химмельфарб отмечает по этому поводу, что

... несмотря на присутствие образа Бога на престоле из херувимов в описании поклонения Еноха, его страх вызван не угрожающим видом Бога. Скорее, чувство страха возникает из-за того, что Енох находится в доме из кристаллов града, что и заставляет его дрожать и трепетать, а в конце концов и упасть вниз лицом .... Таким образом, в *Книге Стражей* подчеркивается мотив славы Божьего небесного храма, и именно он, а не видение Бога само по себе, служит причиной возникновения страха Еноха.⁴⁰⁶

Важно отметить также, что уже в относящейся к енохической традиции *Книге Стражей* о явлении Бога непосредственно говорится как о явлении его “Лица,” намекая таким образом на историю Моисея, что потом станет главным смысловым центром в концепции явления Бога, представленной в славянском апокрифе.⁴⁰⁷

Более того, в ранних рассказах о Енохе, и особенно в *Книге Притч* (главы 37–71 Первой книги Еноха), можно обнаружить еще одну тенденцию, получившую развитие и переосмысление во Второй книге Еноха, а именно, связь между теофаническим страхом мистика

⁴⁰⁵ См. В. J. Bamberger, "Fear and Love of God in the Old Testament," *Hebrew Union College Annual* 6 (1929) 43-47.

⁴⁰⁶ Himmelfarb, *Ascent to Heaven*, 16.

⁴⁰⁷ Так, в *1 Енох* 14:20–21 можно обнаружить текст, в котором сообщается, что “ни ангел не мог вступить сюда, ни смертный созерцать вид лица (*gašš*) самого Славного и Величественного.” Тантлевский, *Книги Еноха*, 328.

и преобразования его физического тела. Так, к примеру, в повествовании о встрече мистика с Богом из 60-й главы Первой книги Еноха мотив страха мистика совпадает с парадоксальным упоминанием о “расплавлении” физического тела адепта.⁴⁰⁸

Лицо, наводящее ужас

Как мы уже убедились мотив страха седьмого патриарха уже был связан с его преображением в ранних рассказах о Енохе, однако в славянском апокрифе эта связь выражена еще более очевидным образом. Более того, во Второй книге Еноха теофанический страх обретает свое новое символическое измерение благодаря тому, что он становится постоянным спутником всех преображений Еноха, испытываемых героем на протяжении его небесного путешествия.

Исследователи уже ранее отмечали интенсивность средств выражения, используемых для передачи чувства страха в этом тексте. Так, Марта Химмельфарб заметила, что лексика в тексте Второй книги Еноха имеет более экспрессивный характер для передачи чувства страха, чем в других иудейских апокалиптических источниках,

---

⁴⁰⁸ В *1 Енох* 60:2-3 говорится: “И тотчас я увидел Главу дней, сидящего на престоле Своей славы, и ангелов и праведных, стоящих вокруг Него. И меня объял сильный трепет, и страх охватил меня; мое бедро согнулось и ослабело, все мое существо сплавилось, и я упал на свое лицо.” Тантлевский, *Книги Еноха*, 342. Мотив изменения существа Еноха во время теофании также присутствует и в другом отрывке из енохической *Книге Притч (1 Енох 71:9-11)* где говорится, что патриарх был преображен в Сына Человеческого: “И вышли из того дома Михаил и Гавриил, Руфайл и Фануил, и многие святые ангелы без числа, и с ними Глава дней; Его глава бела и чиста, как волна, и Его одежда неописуема. И я упал на свое лицо, и все мое тело сплавилось, и мой дух изменился; и я воскликнул громким голосом, духом силы, и прославил и восхвалил и превознес.” Тантлевский, *Книги Еноха*, 349.

в том числе и в ранних рассказах о Енохе. Размышляя над повторяющимися формулами выражения страха, с помощью которых Енох сообщает о своем чувстве своему небесному спутнику, Гавриилу, исследовательница подчеркивает интенсивность подобных высказываний в рассматриваемом тексте:

Страдания, выраженные словами, обращенными к Гавриилу, “Увы мне, господин, отступила душа моя из меня от страха” (9:10), представляют собой разительный контраст с отсутствием выражения какого-либо чувства в рассказе о видении Бога Левием в небесном храме в сочинении *Завет Левия*, а также значительно отличаются от описания видения в *Книге Стражей*, где подчеркивается мотив ужаса, который испытывает мистик, оказавшись в небесном храме. Глубина чувства страха, который испытывает Енох, оставшись без своих спутников, способствует подчеркиванию величественности событий, которые должны произойти в дальнейшем.⁴⁰⁹

Лексика, используемая для описания состояния страха, буквально пронизывает все повествование Второй книге Еноха, начиная с самых первых строк этого апокалиптического памятника. Однако формулировки, которые передают это чувство при встрече Еноха с Божьим Лицом, видением, играющим роль кульминационного пункта в теофаническом богословии этого повествования, приобретают самую высокую степень напряженности. Сильный страх, испытываемый мистиком во время устрашающей встречи с Богом, так глубоко проникает в душу Еноха, даже в его недавно обретенном ангельском состоянии,

---

⁴⁰⁹ Himmelfarb, *Ascent to Heaven*, 40. В одной из своих недавних книг Химмельфарб еще раз подтверждает свои взгляды на этот предмет, делая следующее замечание о Второй книге Еноха: “После того, как Еноха одолел страх, он падает на свое лицо, не один раз, как в *Книге Стражей*, а дважды, чем в тексте ясно дается понять, что Енох перед Божьим престолом испытал еще более ужасающий страх, чем то чувство, которое ему приписано в *Книге Стражей*.” M. Himmelfarb, *The Apocalypse: A Brief History* (Blackwell Brief Histories of Religion; Chichester: John Wiley & Sons, 2010) 77.

что это чувство становится первым предметом его откровения человечеству во время его краткого пребывания на земле. Так, в самых первых словах поучения Еноха своим сыновьям он сообщает об устрашающем характере его встречи с Божьим Лицом. В пространной редакции *2 Енох* 39:8 содержится следующее описание этого события:

Страшно и претрудно стоять перед лицом царя земного, пугающе и очень это опасно, ибо воля царя — смерть, и воля царя — жизнь. Насколько же страшнее и опаснее стоять перед лицом Царя всех земных царей и всех небесных воинств, распорядителя живых и мертвых. Кто вынесет это безвременное страдание?⁴¹⁰

Несомненно, этот текст во многих отношениях служит одним из концептуальных связующих звеньев славянского апокрифа. Как уже отмечалось ранее, образ лица имеет огромное значение для всей концептуальной ткани этого апокалиптического текста, в котором видение Божьего Лица (*Паним*) представляет собой наивысшую степень мистического опыта, полученного Енохом в потустороннем мире. Данный славянский апокриф с его постоянно используемой образностью небесных ликов, тесно связан по смысловому наполнению не только с ранними книгами о Енохе, в которых как мы уже убедились тоже присутствует терминология “лица,” но, что еще важнее, с более поздней литературой Чертогов (*Хейхалот*), в текстах которой созерцание мистиком Лица Бога становится самым существенным аспектом откровения. Специалисты в области ранней иудейской мистики ранее уже размышляли о значении подобного рода образного строя, отмечая, что мотив Божьего Лица

⁴¹⁰ Andersen, “2 Enoch,” 1.164. В краткой редакции *2 Енох* 39:8 можно обнаружить использование похожей лексики: “страшно и претрудно стоять перед лицом царя земного, пугающе, ибо воля царя — смерть, и воля царя — жизнь. <Каково же> стать перед лицом Царя <Небесного>, — кто выдержит этот безмерный страх и жар великий?” Навтанович, “Книга Еноха” 3.220-221.

становится “кульминационным пунктом мистического восхождения” адептов литературы *Хейхалот*. Так, Петер Шефер обращает внимание на то, что в *Хейхалот Раббати*, к примеру, Божье Лицо служит “целью восхождения для *йоред меркава*, однако в данном тексте это утверждение одновременно парадоксальным образом отрицается, так как в заключении подчеркивается, что Его лицо ‘уразуметь’ невозможно.”⁴¹¹ Следует обратить внимание, что в литературе *Хейхалот*, как и во Второй книге Еноха, содержатся намеки на переосмысление преданий связанных с именем Моисея. Шефер также отмечает, что для мистика, принадлежавшего к традиции *Хейхалот*, мотив Божьего Лица служит “не просто самым главным проявлением Божьей красоты ... но в то же время и кульминационным пунктом мистического восхождения.”⁴¹² Таким образом, Божье Лицо становится высшей целью небесного путешествия, поскольку, согласно Шеферу, “все, что Бог желает передать *йоред меркава*, ... сконцентрировано в Божьем Лице.”⁴¹³

Более того, в литературе *Меркавы* мистические созерцатели не только получают знание о Божьем Лице и передают это знание другим людям, но и сама их природа преобразуется при встрече с Божественным Ликом. Этот мотив напоминает о похожей концепции преобразования мистика в нашем славянском апокрифе.

Как уже было показано в нашем исследовании Второй книги Еноха, встреча со всееляющим страх Божьим Лицом преобразует тело седьмого патриарха, которое само становится светоносной сущностью. Следует напомнить, что в этом тексте особенно подчеркивается аспект преобразования *лица* мистика, так как в нем читателю сообщается, что Бог повелевает специальному ангельскому служителю остудить лик патриарха перед его возвращением в земной мир. Возможно, что некоторые

⁴¹¹ Schäfer, *The Hidden and Manifest God*, 18.

⁴¹² Schäfer, *The Hidden and Manifest God*, 18.

⁴¹³ Schäfer, *The Hidden and Manifest God*, 20.

особенные подробности в описании этого ангельского служителя также указывают на преобладающую тенденцию в этом апокалиптическом тексте, в котором так часто подчеркивается мотив преобразующей силы страха.

“УСТРАШАЮЩИЙ” АНГЕЛ

Как было упомянуто ранее, один из главных концептуальных аспектов мотива опасности в славянском апокрифе состоит не только в том, что Лицо Божье представлено устрашающим, но также и в том, что и лицо визионера также способно спровоцировать страх. Поэтому опасность, исходящая от его преображенного лица, должна быть умерена перед его нисхождением в область земного обитания людей. В нашем исследовании уже отмечался тот факт, что на формирование этой концепции во Второй книге Еноха оказала большое влияние история Моисея, и особенно мотив его светоносного лица, отраженный в 34-й главе Книги Исхода.⁴¹⁴ Исследователи нередко подчеркивали сходство мотива вселяющего страх лица визионера в славянском апокрифе и в истории Моисея, однако почти никто не пытался объяснить различия между обеими традициями. Одно из таких различий состоит в том, что, в отличие от лица Моисея, лицо седьмого патриарха подвергается обратной трансформации перед его возвращением в область человеческого обитания, а именно, его лицо остужает особый ангел-служитель. В пространной редакции *2 Енох* 37:1–2 это событие описывается следующим образом:

И призвал Господь одного из ангелов своих верховных, *устрашающего и грозного* (страшнаа и грозна), и поставил рядом со мной. И был ангел бел видом, как снег, и руки его подобны льду, с видом великого холода. И он остудил

---

⁴¹⁴ Orlov, *The Enoch-Metatron Tradition*, 285–286.

лицо мое, поскольку не стерпел бы я страха Господнего, как невозможно вынести пламени печи и жара солнца и холода смерти. И сказал мне Господь, “Енох, если бы твое лицо здесь не остудили, никто из людей не смог бы взглянуть на твое лицо.”⁴¹⁵

Образ загадочного ангельского служителя, остужающего лицо Еноха, заслуживает более пристального внимания. В нашем тексте этот небесный служитель определен как устрашающее и грозное⁴¹⁶ существо. На первый взгляд, не совсем понятно, почему в нашем описании ангел, отвечающий за превращение мистика в обычное существо, охарактеризован подобным образом. Однако, учитывая особенности других преображений визионера, упомянутых во Второй книге Еноха, особенно тех, которые касаются его лица, определение ангела как грозного и устрашающего существа приобретает особый смысл. Такое определение вызывает в памяти читателя преобразование мистика перед Божьим Лицом, когда его природа подверглась всеобъемлющей метаморфозе благодаря устрашающему Образу Божьему. Более того, это определение также напоминает об описании преобразования лица Еноха в самых первых строках нашего апокалиптического сочинения. Как мы помним, символизм преобразования лица также тесно связан там с мотивом страха. Как в славянском апокрифе, так и в истории Моисея трансформации лица мистика сопутствует чувство страха. Устрашающая природа образа, созерцаемого мистиком, по-видимому, служит катализатором трансформации, так как только таким

⁴¹⁵ Andersen, “2 Enoch,” 1.160; Macaskill, *The Slavonic Texts of 2 Enoch*, 142. В краткой редакции 2 Енох 37:1-2 содержится очень похожее описание этого события: “Но призвал Господь одного из ангелов своих верховных, *грозного* (грозна), и поставил рядом со мной, был же ангел бел видом, как снег, а руки его — лед, и остудил лицо мое, поскольку не стерпел бы я страха и жара огненного. И <тогда> сказал мне Господь все слова свои.” Навтанович, “Книга Еноха” 3.220-221; Macaskill, *The Slavonic Texts of 2 Enoch*, 143.

⁴¹⁶ Слав. страшнаа и грозна. Macaskill, *The Slavonic Texts of 2 Enoch*, 142.

способом появляется возможность для преобразования человеческой природы. При встрече Еноха с “остужающим” ангелом, представленной во 2 *Енох* 37, мы обнаруживаем похожее сочетание мотивов: тот факт, что ангел, благодаря которому происходит обратное преобразование Еноха, — устрашающее существо, служит указанием не только на мотив опасности, связанный с появлением представителя потустороннего мира, но также и косвенно свидетельствует о страхе мистика, претерпевающего преобразование. Теперь лицо Еноха трансформируется в обратном направлении, превращаясь из прославленного лика в лицо обычного человека; но здесь как и прежде перед нами вновь предстает изменение лица визионера через страх.

НЕТЛЕННОСТЬ, ОБРЕТЕННАЯ ЧЕРЕЗ СТРАХ

Изменения, произошедшие в природе мистика на небесах, не забыты и во второй части нашего апокрифа, описывающей нисхождение Еноха на землю, во время которого, он должен поведать своим детям и людям земли о своем потустороннем опыте. Несмотря на то, что устрашающий ангел остудил лицо Еноха перед его нисхождением в низшие сферы творения, его преобразенная природа однако не была полностью возвращена в ее прежнее человеческое состояние. Этот факт становится очевидным в ходе трапезы патриарха в кругу семье, где мы узнаем, что Енох уже не человеческое существо, а нетленное небесное создание, более не нуждающееся в земном пропитании. При этом его близкие, по-видимому, введены в заблуждение его “остуженным” лицом, ошибочно полагая, что Енох все тот же человек, насыщаемый обычной пищей. Так, по прибытию визионера на землю, сын Еноха Мефусалом приглашает своего отца принять участие в семейной трапезе. Патриарх отклоняет пред-

ложение своего сына, говоря ему, что человеческая пища ему более не приятна, из чего становится понятным, что его человеческая природа претерпела изменения, и он теперь не нуждается в пище людей. В обращении Еноха к Мефусалому мы обнаруживаем также интересные замечания, относящиеся к предмету нашего исследования: Енох соотносит свое превращение в нетленное существо со страхом, испытанным им в вышнем мире. В краткой редакции *2 Енох* 56:2 представлено следующее объяснение патриарха: “Енох же ответил сыну своему, говоря: ‘Знай, чадо, что с тех пор, как умастил меня Господь елеем славы своей, *и вострепел я* (и страшно бысть мнѣ), не услаждает меня пища, и не хочется мне <ничего> из земных блюд.’”⁴¹⁷

В этом эпизоде, в котором преображение мистика связано с испытанным им страхом во время его встречи с Божьим Лицом на небесах, вновь ощущается присутствие общей богословской тенденции данного славянского апокрифа, а именно стремление к соединению мотива страха мистика с темой его небесного преображения.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРАВЕДНИКОВ ЧЕРЕЗ СТРАХ БОЖИЙ

Мы уже отмечали тот факт, что в свидетельствах о преобразении Еноха, отраженных в 1-й и 56-й главах Второй книги Еноха, страх Еноха, по-видимому, служит одной из причин обретения им статуса прославленного существа. Еще одно доказательство подобного рода связи страха и преображения, возможно, содержится в 43-й

---

⁴¹⁷ Навтанович, “Книга Еноха,” 3.226–227; Macaskill, *The Slavonic Texts*, 193. В пространной редакции, напротив, не содержится упоминания о мотиве преображения страхом: “Знай, чадо, что с тех пор, как умастил меня Господь елеем славы своей, пища для меня неприемлема, и не помнит душа моя земных благ; и не желаю я ничего земного.” Andersen, “2 Enoch,” 1.182.

главе, где также, по-видимому, присутствует намек на такую ассоциацию. В этой главе седьмой допотопный патриарх произносит последние этические наставления своим детям перед его повторным вознесением в вышний мир. Содержание этих наставлений составляет изложение норм нравственного поведения, противопоставленных беззаконным и порочным привычкам. Из наставлений патриарха читатель узнает, что боящиеся Бога будут прославлены. В краткой редакции *2 Енох* 43:3 говорится следующее: “Но нет никого достойнее боящегося Господа, *ибо боящиеся Господа славны будут во век* (боящи бо ся Господа славнии будутъ в вѣк).”⁴¹⁸ В пространной редакции содержится текст похожего содержания: “Хотя эти слова слышны отовсюду, тем не менее, нет никого достойнее боящегося Бога. Будет он более всех прославлен в веке том.”⁴¹⁹

На первый взгляд может показаться, что упоминание о прославлении людей благодаря страху Божьему, присутствующее в контексте этических наставлений Еноха, не несет в себе никакой антропологической смысловой нагрузки и не имеет прямого отношения к мотиву преобразования человеческой природы. Тем не менее, более пристальное рассмотрение ближайшего контекста этого высказывания может подсказать нам наличие в нем антропологического смысла. Представляется неслучайным совпадением тот факт, что непосредственно после этой фразы Енох приступает к размышлению о “лице,” а символизм этого образа, как мы уже показали, играет ключевую роль в других местах славянского апокрифа, где мотив страха связан с преобразованием человеческой природы. Так, во *2 Енох* 44:1–2 говорится:

Господь руками своими создал человека в подобие лица своего, малого и великого сотворил Господь. И кто оскорбляет лицо человеческое — оскорбляет лицо Господа,

⁴¹⁸ Навтанович, “Книга Еноха,” 3.222–223; Macaskill, *The Slavonic Texts*, 163.

⁴¹⁹ Andersen, “2 Enoch,” 170.

кто гнушается лица человеческого — гнушается лица
Господа, презирающий лицо человека — презирает лицо
Господа....⁴²⁰

В этом тексте читатель может узнать уже знакомое ему соответствие мотивов Божьего Лица и лица человеческого существа, и это соответствие, как мы помним, получает важнейшее значение при описаниях преобразования Еноха в прославленное состояние.

Здесь нужно также отметить, что в общепринятом разделении апокрифа на главы отрывок о прославлении боящихся Бога отделен от рассуждения о лицах Бога и человека, тем, что они находятся в разных главах. И все же, возможно, что в первоначальном замысле авторов этого апокалиптического источника, предполагалось, что эти два размышления должны восприниматься как единое целое, что очевидно в свете других теофанических описаний, представленных во Второй книге Еноха. В таком случае знакомая нам концептуальная связь между страхом и прославлением, проявляющаяся в контексте рассуждений о Божьем Лике и человеческом лице, относится также и к природе избранных человеческих существ, предопределенных к тому, чтобы тоже испытать подобного рода преобразование.

СТРАХ АДАМА

В нашем исследовании концепций, содержащихся в славянском апокрифе, мы пришли к выводу, что часто встречающиеся в нем описания страха визионера могут означать не только человеческое эмоциональное состояние и относится не просто к реакции на небесные явления, но также и к особому мистическому опыту, который,

---

⁴²⁰ Навтанович, “Книга Еноха,” 3.222-223.

возможно, был способен привести людей к состоянию прославленного небесного существа. Подобного рода переход человека из его падшего состояния в статус небесного обитателя, который достигается через страх, напоминает нам о некоторых преданиях, связанных с историей творения и грехопадения первых людей. Мы уже упоминали о том, что самый первый случай библейского повествования о человеческом страхе можно обнаружить в третьей главе Книги Бытия, где описывается страх первого человека перед Богом после его грехопадения в Раю. Анализируя это событие, произошедшее с Адамом, некоторые исследователи высказывают предположение, что страх первого человека, возможно, служит признаком его только что приобретенного падшего состояния.⁴²¹ Также высказывались мнения о том, что подобного рода мотив, соединяющий в себе страх перед явлением Бога с грехопадением и потерей надлежащего предстояния перед Богом, можно обнаружить также и в библейских историях связанных с Моисеем, где подчеркивается страх сынов Израилевых перед Божьим Лицом после их поклонения золотому тельцу.⁴²² Анализируя эти библейские предания, Ян Уилсон отмечает, что “возможно, страх сынов Израилевых перед Божьим Лицом — и Божьим присутствием в целом — проистекает из библейской концепции грехопадения человека в Эдемском саду (Быт. 3). До грехопадения нет никаких указаний на то, что мужчина и женщина каким-либо образом выражали страх перед Божьим присутствием, однако после грехопадения приближение Яхве вызывает в них сильное чувство страха (см. Быт. 3:8).”⁴²³

Наблюдения подобного рода очень важны для нашего

⁴²¹ L. Ginzberg, *Legends of the Jews* (Philadelphia: The Jewish Publication Society, 2003) 75.

⁴²² Ginzberg, *Legends of the Jews*, 534, 636, n. 311.

⁴²³ I.D. Wilson, "'Face to Face' with God: Another Look," *Restoration Quarterly* 51 (2009) 109. См. также J.J. Niehaus, *God at Sinai: Covenant and Theophany in the Bible and Ancient Near East* (Grand Rapids: Zondervan, 1995) 27.

исследования, так как в них можно найти ключ к пониманию преобразующей природы страха в рассматриваемом нами славянском апокрифе. В то время как ученые ранее предпринимали попытки объяснить связь грехопадения первого человека с происхождением страха перед Бого-явлением, тем не менее, еще один очень важный аспект концепции, представленной в третьей главе Книги Бытия остался без внимания, а именно, нагота Адама, мотив, с которым так тесно связано чувство страха первочеловека, упомянутое в Быт. 3.⁴²⁴ Символизм наготы, который можно обнаружить в этом тексте, служит указанием на присутствие ряда важных антропологических мотивов, связанных с преобразованием человеческой природы. Так, в иудейской и христианской традициях нагота первых людей очень часто связывалась с потерей ими т.н. “одеяний света,”⁴²⁵ — убранства, пронизанного славой, в которое были одеты первые люди до их грехопадения в Эдемском саду.⁴²⁶ На эту потерю, возможно, уже содержится намек в библейском рассказе о грехопадении, когда Бог создает кожаные одежды для первых людей после их грехопадения.⁴²⁷

⁴²⁴ Быт. 3:10: “Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся.”

⁴²⁵ См. S. Brock, “Clothing Metaphors as a Means of Theological Expression in Syriac Tradition,” in: *Typus, Symbol, Allegorie bei den östlichen Vätern und ihren Parallelen im Mittelalter* (ed. M. Schmidt; EB, 4; Regensburg: Friedrich Pustet, 1982) 11–40.

⁴²⁶ К примеру, в *Пиркей де рабби Элиэзер* 14 говорится следующее: “Он сказал ему (Адаму): Почему ты избегаешь Меня? Он ответил Ему: я услышал Твой голос, и кости мои задрожали, как сказано, ‘голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся’ (Быт. 3:10). Каким было одеяние первого человека? Кожа, как на ногтях, и облако славы покрывало его. После того, как он ел плоды дерева, ногтевая кожа была снята с него, и облако славы покинуло его, и он увидел себя нагим, как сказано: ‘И сказал: кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?’” Friedlander, *Pirke de Rabbi Eliezer*, 98.

⁴²⁷ В более поздних раввинистических источниках продолжается традиция интерпретации одеяний первых людей как одеяний славы. Как в Палестинском, так и Вавилонском таргумах текст из Быт. 3:21

Если в самом деле можно предположить, что страх Адама и Евы, который они испытали после грехопадения, о чем говорится в Быт. 3, связан с утратой ими светоносного антропологического одеяния, что заставило их чувствовать себя “нагими,” тогда эта связь помогла бы нам в понимании некоторых богословских тенденций во Второй книге Еноха, в особенности связанных с мотивами восприятия богоявлений. Возможно, в описаниях подобного рода видений теофанический страх служит не только напоминанием об утрате светоносных одеяний, но также и представляет собой возможность преобразования, возвращающего тайнозрителя из падшего рода людского в его некогда утраченное славное состояние. Страх, впервые проявившийся при потере светоносных одежд, теперь выступает символом обретения этого светоносного убранства. Таким образом, здесь эсхатология, как и во многих других иудейских апокалиптических источниках, в какой-то мере служит зеркальным отражением протологии — а именно, истории творения и грехопадения первого человека.⁴²⁸

Таким образом, страх мистика служит важной предпосылкой и катализатором для изменения падшей природы человечества и первой ступенью к ее восстановлению к состоянию до грехопадения.⁴²⁹ В этом отношении полезно было бы напомнить о ранее упомянутой концепции, которую можно обнаружить в пространной

“сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их” содержит выражение “одежды славы,” вместо “одежд кожаных.” Подобного рода интерпретация, характерная для таргумов, присутствует и во множестве мидрашей, в том числе *Берешит Рабба* 20:12 и *Пиркей де рабби Элиэзер* 14.

⁴²⁸ О временной и пространственной симметрии в иудейской апокалиптической литературе см. J.M. Scott, *On Earth as in Heaven: The Restoration of Sacred Time and Sacred Space in the Book of Jubilees* (JSJSS, 91; Leiden: Brill, 2005) 212-219.

⁴²⁹ Намек на подобного рода идею, по-видимому, можно распознать уже в Исх. 20:20, где Моисей сообщает сынам Израилевым, что страх предотвращает грех: “не бойтесь; Бог пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили.”

редакции 2 *Енох* 43:3, где говорится, что те, кто боятся Бога, “славны будут во век.”⁴³⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение нам следует вновь обратиться к повествованию о прославлении лица Еноха, представленному в первой главе нашего апокрифа. Можно предположить, что подобного рода описанием авторы текста намеревались не только предварить прославление Еноха перед вселяющим страх Божьим Лицом, содержащееся в 22-й главе, но также и указать на будущее эсхатологическое преобразование праведников.⁴³¹ По этому поводу интересно отметить, что в структуре начальных глав Второй книги Еноха парадоксальным образом отражается макроструктура всего апокрифического памятника. Здесь следует напомнить, что после встречи патриарха с ангелами, описанной в первой главе, когда его лицо обретает сияющую природу, потусторонние гости Еноха повелевают ему пойти к своим родственникам и рассказать им “все, что нужно им сделать на земле для дома твоего.”⁴³² Затем Енох созывает своих сыновей и произносит для них короткие наставления этического характера, причем некоторые темы, содержащиеся в них, позже получают свое дальнейшее развитие в более многословных наставлениях, изложенных во второй части апокрифа. Таким образом, начальные главы предвосхищают общую структуру всего апокалиптического произведения, повествующего о

---

⁴³⁰ Навтанович, “Книга Еноха,” 3.222-223.

⁴³¹ Подобного рода прославления, предвосхищающие будущее славное преобразование мистика, можно обнаружить в некоторых иудейских и христианских текстах, таких как например Деян. 6:15, где говорится о прославлении Стефана: “И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела.”

⁴³² Навтанович “Книга Еноха,” 3.204-205.

том, как главный герой сначала преображается перед Божьим Лицом, а затем возвращается на землю, чтобы рассказать о небесных тайнах своим детям. Ввиду этих важных соответствий между содержанием первых глав и всего апокалипсиса, преобразование лица Еноха в самом начале произведения призвано символически суммировать его главную идею, таким образом подготавливая читателя к главному апокалиптическому событию этого повествования: прославлению адепта перед Лицом Бога в 22-й главе Второй книги Еноха.⁴³³

---

⁴³³ По этому поводу следует заметить, что в обоих рассказах о прославлении лица мистика его лицо служит своего рода отражением прославленных лиц ангелов или Бога. Так, во 2 *Енох* 1:5 особо подчеркивается мотив прославленных лиц ангельских гостей Еноха, которые сравниваются с солнцем: “Лица их были как сияющее солнце.” Хачатурян, “Книга Еноха,” 47.